

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ МОНОПОЛИЙ В ДОВОЕННОЙ РОССИИ

Я. И. Лившин

Промышленная политика капиталистических монополий в России привлекала к себе еще в дореволюционное время большое внимание исследователей. Буржуазные экономисты В. С. Зив, Л. Б. Кафенгауз¹ и другие освещали эту политику с позиций буржуазного объективизма. Работы И. М. Гольдштейна² представляли собой апологию капиталистических монополий, замаскированную «критикой» некоторых сторон их деятельности. В противовес этой апологии некоторые ученые и инженеры того времени (Д. В. Голубятников, С. А. Вышетравский и др.)³ собрали огромный фактический материал, разоблачающий хищничество монополий в отдельных отраслях промышленности, особенно в нефтяной.

Глубокий марксистский анализ русского монополистического капитализма содержится в многочисленных трудах В. И. Ленина. На этой теоретической основе советские историки и экономисты исследуют историю и особенности русского империализма, его экономическую, и в частности промышленную, политику. Укажем для примера работы П. И. Лященко, Г. В. Цыперовича, И. Ф. Гиндина⁴.

В последние годы значительно возрос интерес к изучению истории монополистического капитализма в России. В результате интенсивных архивных изысканий найдены многочисленные документы и добыты новые факты. Монополистическому периоду экономической истории России посвящена значительная часть книги П. А. Хромова, книга Д. И. Шполянского, статьи М. Я. Гейфера, А. Л. Цукерника, П. В. Волобуева в «Исторических записках» Института истории АН СССР⁵, а также ряд диссертаций, освещающих историю монополий и политику монополистического капитала в ряде отраслей промышленности (нефтяной, металлургической и др.).

¹ В. С. Зив. Иностранные капиталы в русской нефтяной промышленности. Петроград. 1916; его же. Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности. Петроград. 1917; Л. Б. Кафенгауз. Синдикаты в русской железной промышленности. М. 1910.

² И. М. Гольдштейн. Синдикаты и тресты и современная экономическая политика. М. 1907; его же. Экономическая политика. Курс лекций. Вып. I. Союзы предпринимателей. История и теория. М. 1913; его же. Синдикат «Продуголь» и кризис топлива. М. 1913; см. также статьи И. М. Гольдштейна, опубликованные в «Русском слове» за 1912 год, и др.

³ Д. В. Голубятников. Бакинский нефтеносный район. СПб. 1913; С. А. Вышетравский. О нефтяном хозяйстве России в связи с будущностью Апшеронского полуострова. Баку. 1915; его же. Нефтяное хозяйство России за последнее десятилетие. М. 1920.

⁴ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. 2. Госполитиздат. 1952; Г. В. Цыперович. Синдикаты и тресты в России. Изд. 2-е. П. 1918; И. Ф. Гиндин. Банки и промышленность России до 1917 г. М.-Л. 1927; его же, Русские коммерческие банки. М. 1948.

⁵ П. А. Хромов. Экономическое развитие России в XIX—XX веках. М. 1950; Д. И. Шполянский. Монополии угольно-металлургической промышленности юга России в начале XX века. М. 1953; «Исторические записки». Тт. 38, 42, 43, 47, 52.

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы на основании имеющегося фактического материала рассмотреть некоторые, наиболее существенные стороны политики капиталистических монополий в области промышленности, отражавшие процесс загнивания капитализма в довоенной империалистической России.

Развитие капиталистического производства в России в конце XIX в. с закономерной необходимостью привело к вступлению капитализма в монополистическую стадию. Высокая степень концентрации промышленного производства привела к возникновению капиталистических монополий. Первые монополистические объединения в русской промышленности стали появляться в 80—90-х годах XIX века. После экономического кризиса 1900—1903 гг. промышленные монополии постепенно охватили все отрасли русской промышленности. Такие синдикаты, как «Продамет», «Продуголь», «Продвагон», «Кровля», «Медь» и др., стали хозяевами русской капиталистической промышленности и торговли. К 1914 г. в России действовало не менее 100 синдикатских и картельных соглашений, охвативших 65—70% производства крупной промышленности. К началу XX в. сложились банковские монополии, сраставшиеся с промышленностью, образовался финансовый капитал, создавалась финансовая олигархия. Проявились и другие признаки империализма: все большее значение приобретали вывоз капитала, участие России в экономическом и территориальном разделе мира и в борьбе за его передел.

Главная особенность монополистического капитализма в России состояла в том, что он возник и развивался при наличии полукрепостнических отношений в экономике, и прежде всего в сельском хозяйстве, в обстановке самодержавия. В. И. Ленин указывал, что в России «новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических»⁶. Сохранение полукрепостнического самодержавия позволило В. И. Ленину охарактеризовать русский империализм как «военно-феодальный»⁷. Характерным явлением была сильная зависимость жизненно важных отраслей русской промышленности (угольной, нефтяной, металлургической и др.) от иностранного финансового капитала, закабалявшего и ограблявшего Россию, постепенно превращавшего ее в полуколонию западного империализма. Все это нашло отражение в экономической политике монополистического капитала России, основные черты и направления которой вытекали из общей экономической программы, разработанной и сформулированной заправилами капиталистических монополий и крупнокапиталистических организаций — биржевых комитетов, советов и бюро съездов, обществ промышленников и т. д. Последние являлись постоянно действующими «представительными» органами крупной и крупнейшей буржуазии, орудиями монополий и финансовой олигархии.

Экономическая программа монополистической буржуазии полностью сложилась и была более или менее точно сформулирована в период буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг., в обстановке быстрого назревания предпосылок перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, призванную покончить с империализмом. Боязнь социалистической революции сковывала действия монополистической буржуазии. Она шла на сделку с царизмом, чтобы сохранить свои привилегии и использовать царизм для упрочения своего классового господства.

Представители монополистической буржуазии (Н. С. Авдаков, И. И. Ясюкович, В. В. Жуковский, Г. А. Крестовников и др.) демагоги-

⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 246.

⁷ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 383.

чески упрекали царизм в отсутствии у него какой-либо определенной «созидательной» программы, говорили о вопиющей экономической отсталости страны, ратовали за «культуру», за «мощное развитие производительных сил», за достижение «равновесия между хозяйственной слабостью и политической мощью»⁸. Но они умалчивали о действительных причинах экономической отсталости России и отвергали те пути, которые могли обеспечить действительное преодоление этой отсталости.

В статье «Как увеличить размеры душевого потребления в России?» В. И. Ленин отмечал, что орган крупного промышленного капитала «Промышленность и торговля», признавая, что причина экономической отсталости России коренится в условиях жизни сельского населения, составляющего подавляющее большинство населения России, ограничивается пустыми фразами о необходимости культурного развития страны, подъема производительности крестьянского труда и т. п., не решаясь поставить вопрос о ликвидации помещичьего землевладения. В. И. Ленин указывал, что эта «угода» помещикам объясняется тем, что в России крупнейшие промышленные тузы в действительности — «сатрапы» промышленности, то есть «...кучка монополистов, защищенных государственной помощью и тысячами проделок и сделок с теми именно черносотенными помещиками, которые своим средневековым землевладением (миллионов в 70 десятин лучшей земли) и своим гнетом осуждают 5/6 населения на нищету, а всю страну на застой и гниение»⁹.

Выдавая свою экономическую программу за программу развития производительных сил, монополистическая буржуазия стремилась оставить неизменными общие экономические условия развития страны, то есть, не трогая помещичьего землевладения и множества пережитков средневековья в экономике, приспособить господствующие экономические порядки к своим хищническим интересам. Экономическая программа монополистического капитала обуславливалась требованиями основного экономического закона монополистического капитализма и была рассчитана на безусловное обеспечение заправилам монополий наивысшего уровня прибыли. «Идеолог» финансового капитала, один из руководителей Совета съездов представителей промышленности и торговли, А. А. Вольский, с предельной откровенностью и цинизмом говорил: «У промышленников одна программа — рубль»¹⁰.

Деятельность монополистического капитала и его организаций направлялась не столько на развитие важнейших отраслей промышленности и преодоление технико-экономической отсталости страны, сколько на упрочение господства монополий и на их обогащение. В стремлении расширить власть капиталистических монополий, обеспечить им максимум прибыли заключался главный стержень промышленной политики монополистического капитала в России. Заправилы монополистического капитала считали первостепенной задачей своей промышленной политики насаждение капиталистических монополий в различных отраслях промышленности России. При наличии соответствующих экономических предпосылок организации крупного капитала ускорили возникновение монополий; они группировали предпринимателей, брали на себя инициативу соответствующих переговоров между ними, разрабатывали условия соглашений, оказывали всяческое давление на немонополизированные и сопротивлявшиеся монополиям фирмы. Рекламируя монополистические соглашения, они добивались быстрой легализации объединений в той или иной отрасли промышленности. Так, в 1886 г. собрание выборных киевского биржевого общества поддержало решение совещаний сахароза-

⁸ См. «О мерах к развитию производительных сил России. Доклад Совета съездов девятому очередному съезду представителей промышленности и торговли». Птгр. 1915. стр. 3.

⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 262.

¹⁰ «Промышленная Россия». 1915, № 4—5.

водчиков об организации экспортного сахарного синдиката и о нормировании производства сахара¹¹. В 1893 г. в связи с кризисом в каменноугольной промышленности XVIII съезд горнопромышленников юга России поставил на обсуждение вопрос о создании каменноугольных монополий¹². Деятельность крупнокапиталистических организаций по созданию монополий в различных отраслях промышленности особенно широко развернулась с наступлением экономического кризиса 1900—1903 гг., ускорившего процесс централизации капитала в промышленности. В конце 1900 г. по инициативе петербургского «Общества для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности» возник синдикат писчебумажных фабрик¹³. С деятельностью Совета съезда горнопромышленников юга России связано возникновение синдикатов «Продамет» (1902 г.), «Союз мостостроительных заводов» (1903 г.), «Продуголь» (1904 г.)¹⁴. Совет съездов горнопромышленников Урала способствовал возникновению в 1904 г. картеля производителей кровельного железа, а впоследствии и синдиката «Кровля»¹⁵. Выдающуюся роль в оформлении нефтепромышленных картелей (1901—1902 гг.), подготовивших образование синдиката «Нобель-Мазут», сыграл Совет съездов бакинских нефтепромышленников¹⁶. Съезды русских фабрикантов земледельческих машин и орудий немало способствовали образованию монополий в сельскохозяйственном машиностроении¹⁷. Велико значение съездов волжских судовладельцев и биржевых комитетов приволжских городов в образовании пароходных монополий¹⁸.

Монополистический капитал ожесточенно боролся за «свободу» монополий. Он требовал от правительства предоставления возможности свободно и беспрепятственно функционировать синдикатам и трестам. Оценивая отношение власти к «синдикатскому движению», орган южных горнопромышленников писал, что «правительство не только не препятствует образованию синдикатов в различных формах, но... само находит нужным считаться с ними»¹⁹. Между тем на развитии капиталистических монополий отражалось противоречивое положение буржуазии в самодержавном государстве. Буржуазия, особенно крупная и крупнейшая, господствовала в экономической жизни страны. В. И. Ленин после февральской революции 1917 г. писал, что буржуазия «давно правит нашей страной экономически...»²⁰. Несмотря на начавшийся процесс подчинения некоторых государственных органов (министерства финансов, торговли и промышленности и др.) финансовой олигархии, буржуазии не принадлежало политическое господство в стране. У руля государственной власти попрежнему находились крупные землевладельцы, боявшиеся потери своих паразитических доходов и не желавшие уступать своих политических привилегий буржуазии. С ростом экономического могущества и политического влияния крупной буржуазии, как указывал В. И. Ленин, «становится еще глубже противоречие между сохранением 99/100 политической

¹¹ См. «Двадцатипятилетие Киевской биржи, 1868—1894». Киев. 1895, стр. 68.

¹² См. «Труды XVIII съезда горнопромышленников юга России». Ч. II. Харьков. 1894, стр. 118.

¹³ «С.-Петербургское общество для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности. Информационный бюллетень». Ноябрь. 1900.

¹⁴ См. «Труды» 25, 26, 27, 29-го съездов горнопромышленников юга России. Тт. 1—3. Харьков. 1901, 1902, 1903, 1905.

¹⁵ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 64, оп. 1, д. 1, лл. 1—2.

¹⁶ «Труды XVI съезда бакинских нефтепромышленников». Баку. 1902.

¹⁷ См. «Листок русских фабрикантов земледельческих машин и орудий». 1908, № 5; 1909, № 2; 1910, № 10; 1911, № 10.

¹⁸ «Нефтяное дело». 1905, № 18—19.

¹⁹ «Горнозаводский листок», 1904, № 31.

²⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 297.

власти в руках абсолютизма и помещиков, с одной стороны, и экономическим усилением буржуазии, с другой»²¹.

Интересы промышленных монополий сталкивались с интересами крупных землевладельцев, не затрагивая при этом коренных вопросов экономического и политического развития страны. По выражению В. И. Ленина, конфликты между ними носили характер домашней ссоры «...двух расхитителей народного достояния»²². Крепостник-помещик являлся противником капиталистической монополии. Она ущемляла его интересы как потребителя, так как система монопольных цен приводила к перекачиванию его доходов в карманы промышленных и финансовых тузов; она ущемляла его интересы и как товаровладельца, ибо приводила к «ножницам» цен на промышленные товары и сельскохозяйственное сырье; она ущемляла его интересы и как монополиста-землевладельца в силу того, что капиталистическая монополия в промышленности централизовывала в своих руках также земельные массивы и недра, уменьшая сумму получаемой им земельной ренты; она ущемляла его интересы и как эксплуататора, ибо расширение сферы капиталистической эксплуатации и грабежа неизбежно сужало сферу полукрепостнической эксплуатации и отнимало у землевладельцев значительную часть доходов; наконец, она ущемляла его интересы и как представителя политически господствующего класса, — концентрация экономической мощи в руках капиталистических монополий и банков грозила ему рано или поздно потерей политических привилегий.

В борьбе против капиталистических монополий крупные аграрии использовали свою политическую власть, и потому плутократическое царское правительство далеко не во всех случаях могло оказать покровительство капиталистическим монополиям. Царизм попрежнему представлял собой феодальную монархию, сделавшую в 1861 г. лишь шаг по пути превращения в монархию буржуазную. После революции 1905 г. царизм сделал второй шаг по этому пути. Однако правительственный аппарат и государственные учреждения продолжали оставаться в руках крупных землевладельцев. Помещичье-черносотенное большинство Государственной думы противодействовало политике покровительства монополиям. Под его нажимом правительство отклонило требования монополистических союзов буржуазии о беспрепятственной организации монополистических союзов и об отказе от любой формы государственного «регулирования» их деятельности. Черносотенным аграриям удалось также сорвать ряд монополистических комбинаций, в частности организацию гигантского металлургического треста на юге России.

М. Я. Гефтер высказал мнение, что главной причиной срыва организации этого треста в 1908 г. явились острые противоречия между отдельными группами капиталистов²³. Нельзя не признать, что борьба между этими группами за командное положение в тресте действительно имела место. Однако не следует преувеличивать ее значение. Как известно в марте 1908 г. были завершены предварительные переговоры между объединявшимися предприятиями; вопрос об организации треста был окончательно решен и получил одобрение министра финансов Коковцева²⁴. Однако реализация решения натолкнулась на антитрестовскую кампанию, организованную правым крылом черносотенной Думы. Черносотенцы активизировали борьбу среди организаторов треста (отказ Новороссийского металлургического общества от обмена своих акций на облигации треста, борьба вокруг вопроса о форме управления треста, о местонахождении правления и т. п.). Тем не менее разногласия все же посте-

²¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 47.

²² В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 14.

²³ См. «Исторические записки». Т. 47. 1954, стр. 144; «Очерки по истории СССР. 1907 — март 1917 г.». М. 1954, стр. 31.

²⁴ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 22, д. 318, л. 64.

пенно преодолевались. Коковцев получил даже сообщение редактора «Вестника финансов» Каратыгина о том, что 1 июля 1908 г. в Брюсселе будто бы подписано соглашение об организации треста, а его руководителем в России явится известный заводчик Ю. П. Гужон²⁵. Но организаторы треста не приступили к практическому осуществлению своего соглашения, так как еще ранее, 12 июня 1908 г., Столыпин заверил депутацию октябристов, что правительство не допустит организации треста, что, как сообщала «Торгово-промышленная газета» (№ 139. 1908 г.), «произвело... довольно удручающее впечатление на парижских и бельгийских банкиров и, вместе с тем, сильно убавило у них охоту к осуществлению треста». В таких условиях ходатайства русских и иностранных промышленных и финансовых групп о разрешении деятельности треста в России стали бессмысленными.

Еще в 1845 г. в России был введен закон, преследовавший так называемые «стачки» купцов, то есть соглашения торговцев о повышении цен, особенно на товары, поставлявшиеся казне для армии. В 1884 и 1903 гг. действие этого закона расширялось. В редакции 1903 г. этот закон был направлен против картелей и синдикатов, предусматривая тюремное заключение для торговцев и промышленников, которые по соглашению друг с другом чрезмерно поднимали цены на продовольствие и предметы первой необходимости. Формально любое монополистическое объединение в России было незаконно, но фактически антимонополистическое законодательство оставалось на бумаге. Попытки министерства юстиции начать уголовное преследование участников некоторых синдикатов (например, спичечного в 1907—1908 гг.) неизменно заканчивались прекращением дел «за отсутствием состава преступления».

В связи с антимонополистической кампанией, поднятой черносотенными аграриями в Думе, царское правительство вынуждено было сделать вид, что оно принимает меры к расследованию злоупотреблений синдикатов. В начале 1910 г. была создана специальная комиссия по «изучению» вопроса о предпринимательских объединениях; возглавлял ее видный чиновник П. И. Миллер, которого «деловые круги» характеризовали как «ярого сторонника синдикатской формы крупной промышленности» и «влиятельного покровителя синдикатов»²⁶.

Комиссия Миллера не предприняла никаких мер для обследования деятельности монополий. Заправилы монополий — Н. Авдаков, И. Ясюкович, С. Фармаковский, Ю. Гужон, П. Гукасов, Э. Нобель, А. Коновалов и др., принимавшие участие в работе комиссии, продиктовали ей откровенно промонополистическую резолюцию, указывавшую, что установление какой-либо регламентации деятельности синдикатов и трестов практически невозможно²⁷.

Во второй половине 1912 г. в связи с повторением демагогической, рассчитанной на обман народных масс, антимонополистической кампании, организованной аграриями, крупный чиновник В. Добровольский представил правительству записку, в которой предлагал легализовать монополистические союзы и, не ограничивая свободы возникновения синдикатов и трестов, установить правительственный контроль за их деятельностью²⁸. Для рассмотрения проекта Добровольского было создано специальное правительственное междуведомственное совещание.

Воротивы монополий, отстаивавшие так называемую «свободу предпринимательской инициативы» и отрицавшие право государства контролировать их деятельность, выступили с резкой критикой законопроекта Добровольского. Междуведомственное совещание, в состав которого

²⁵ Там же, д. 271, л. 171.

²⁶ «Горнозаводское дело». 1911, № 46.

²⁷ «Промышленность и торговля». 1910, № 13.

²⁸ См. «К вопросу о синдикатах и трестах. Записка члена Совета министра торговли и промышленности В. В. Добровольского». СПб. 1913.

вошли видные агенты и высокопоставленные покровители монополий (С. Тимашев, П. Барк, В. Арандаренко и др.), устранило из законопроекта все статьи, которые могли каким-либо образом ущемить интересы монополий²⁹. В таком виде этот законопроект в марте 1913 г. был внесен в Государственную думу, но так и не был принят.

Между тем хищническая деятельность капиталистических монополий разрывалась все шире и вызвала бурный рост дороговизны, товарный голод и т. п. В связи со скандальными разоблачениями деятельности синдикатов «Продуголь» и «Продамет» правительство было вынуждено возбудить против этих синдикатов уголовное преследование³⁰. Но такая попытка вызвала резкий протест со стороны главнейших монополий.

Восьмой съезд представителей промышленности и торговли, состоявшийся в мае 1914 г., прошел под знаком борьбы против полицейских репрессий в отношении капиталистических монополий. Депутация монополистов сделала соответствующее представление главе правительства И. Горемыкину. Последний заявил, что правительство вполне понимает закономерность такого экономического явления, как синдикаты и тресты, а «уголовным преследованиям против отдельных соглашений не следует придавать преувеличенного значения»³¹. Одновременно на царское правительство был оказан нажим со стороны таких крупных французских политических деятелей, как Поль Думерг и посол Франции в России Палеолог. Они предупреждали, что «принудительные меры», принятые против «Продугля», могут иметь для русского правительства весьма прискорбные последствия. В результате всех этих демаршей уголовное преследование синдикатов было приостановлено, а затем и прекращено «по недостаточности собранных улик»³². В борьбе против применения антимонополистического законодательства крупный капитал добился успеха. Под покровительством царской власти, под охраной плутократического чиновничества промышленные монополии бесконтрольно стяжали максимальные прибыли. Царское законодательство не могло, да и не было, разумеется, рассчитано на то, чтобы противостоять силе монополистического беззакония и произвола.

В эпоху империализма обострилась борьба капиталистов за сырьевую монополию. Эта борьба являлась существенной стороной промышленной политики монополистического капитала в России. Крупная буржуазия добивалась насильственного отчуждения крестьянских земель, богатых ископаемыми, отделения права на недра от права на поверхность земли, принудительного сосредоточения в руках самодержавного государства всех недр. Царское правительство шло навстречу требованиям монополистических воротил, облегчало им захват и разграбление естественных богатств страны. Это особенно ярко проявлялось в нефтяной промышленности. Еще в конце XIX в. правительство изъяло из надельного пользования крестьян Апшеронского полуострова свыше 6 тыс. десятин посевных и пастбищных земель, большая часть которых была присвоена впоследствии нефтепромышленными королями³³.

²⁹ См. «Журналы междуведомственного совещания для обсуждения вопроса о синдикатах и трестах». СПб. 1913.

³⁰ В январе 1913 г. Петербургский коммерческий суд рассматривал иски Южно-русского днепропетровского металлургического общества и Общества государственно-байрацких каменноугольных копей о расторжении их контрагентских договоров с обществом «Продуголь» на том основании, что они имеют синдикатский, запрещенный законом характер. См. ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 67, д. 1202, лл. 72—167.

³¹ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 23, л. 22.

³² «Красный архив». 1926. Т. 5 (18), стр. 148.

³³ См. «Нефтяное дело». 1900, № 22; см. также С. Першке. Русская нефтяная промышленность, ее развитие и современное положение. Тифлис. 1913, стр. 149.

В 1905 г. правительство насильственно отобрало у крестьян селений Сабунчи, Балахны и Романы 300 десятин нефтеносной земли и передало ее нефтяным монополиям³⁴. За десятину богатейшей нефтеносной земли правительство платило крестьянам по 250 руб., в то время как цена этой земли при «вольной» продаже доходила до 88 500 рублей. В том же году монополисты поставили перед царским наместником на Кавказе вопрос о принудительном выселении местного крестьянского населения из деревень района промыслов в бесплодные муганские степи³⁵.

В 1910 г. междудеPARTMENTовенное совещание при министерстве торговли и промышленности вынесло рекомендацию о конфискации на Апшеронском полуострове 2 300 десятин крестьянской земли для сдачи ее в аренду нефтепромышленникам³⁶. Эта рекомендация была утверждена правительством в 1912 году. По требованию представителей Совета съезда горнопромышленников юга России при министерстве торговли и промышленности было созвано специальное совещание, где обсуждался вопрос о праве распоряжаться недрами в связи с дроблением земельной собственности. Участники совещания потребовали признания за горнопромышленниками права принудительно занимать потребные им земельные участки³⁷. Горный департамент не решился, однако, поддержать такой откровенно грабительский проект и внес в 1910 г. в Государственную думу законопроект о бессрочной аренде месторождений полезных ископаемых у крестьян и о принудительной консолидации мелких участков в одну общую горную собственность.

Важнейшим средством захвата источников сырья являлась скупка земельных владений промышленными компаниями. После столыпинской аграрной реформы создалась широкая возможность за бесценок приобретать крестьянские земли. Одновременно монополии скупали часть помещичьих земель.

К скупке участков, богатых железорудными и каменноугольными ископаемыми, широко прибегали, в частности, металлургические монополии в связи с тенденцией к комбинированию в этой отрасли. К 1913 г. в руках промышленных акционерных компаний сосредоточилось 3,7 млн. десятин земли, преимущественно богатых полезными ископаемыми. В 1914 г. была сделана попытка законодательным путем ограничить землевладение частных акционерных обществ. Но соответствующий законодательный акт, как и другие меры, ограничивавшие монополии, остался на бумаге.

Царское правительство не посягало на помещичьи земли. Однако оно охотно раздавало промышленным монополиям огромные участки в тех районах, где помещичье землевладение было слабо развито или вообще отсутствовало. Таким путем монополии получили богатые полезными ископаемыми земли в Сибири, на Дальнем Востоке, на Алтае и в Средней Азии.

Ожесточенная борьба разгорелась вокруг незанятых казенных нефтяных земель в Бакинском районе. Установленные правительством условия аренды казенных нефтеносных земель способствовали захвату бакинских земель нефтепромышленными монополиями.

Злоупотребления, вызванные системой сдачи казенных земель в аренду, были настолько велики, что начиная с 1901 г. все происходившие «торги» ни разу не утверждались правительством. Борьба за «свободные» нефтеносные участки казенных земель особенно обострилась с того момента, как к русской нефти протянули свои руки деятели международных нефтяных трестов (Рокфеллер, Детердинг, Ротшильд). Ба-

³⁴ См. «Нефтяное дело». 1905, № 22—24.

³⁵ См. Б. П. Ахундов. Монополистический капитал в бакинской нефтяной промышленности. Докторская диссертация. М. 1950, стр. 456.

³⁶ См. «Нефтяное дело». 1910, №№ 16 и 17.

³⁷ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 67, д. 491, л. 34.

кинские нефтяные монополисты Гукасов и Лианозов в 1910 г. выдвинули проект «мобилизации» государственных нефтеносных земель, согласно которому правительство должно было передать без торгов исключительное право аренды и эксплуатации всех оставшихся «свободными» нефтеносных земель особому «Обществу бакинских нефтепромышленников», в котором господствующее положение должны были занять крупнейшие бакинские нефтяные короли. Это предложение нашло полную поддержку в правительственных кругах. Межведомственное совещание, проходившее в сентябре 1911 г. под руководством С. Тимашева, одобрило этот проект и рекомендовало совету министров утвердить его в качестве закона. Законопроект был поддержан председателем совета министров Кокорцевым и одобрен советом министров в 1912 году³⁸. Однако осуществление этого проекта натолкнулось на резкое противодействие большинства членов Государственной думы; проект был снят с обсуждения и вместо него принят закон о сдаче с торгов казенных нефтеносных земель частным лицам. Нефтепромышленники всячески стремились сорвать его осуществление. На торгах развернулся разнузданный ажиотаж. В результате в мае 1913 г. из 29 участков нефтеносной земли 17 достались Нобелю и его подставным лицам. На повторных торгах в мае и сентябре 1914 г. Нобель захватил более 60% нефтеносных участков.

Правительство вынуждено было признать закон 1912 г. неудовлетворительным и вынести решение о его пересмотре. По поручению Совета съездов представителей промышленности и торговли депутат Государственной думы священник И. Титов выступил с предложением организовать полугосударственную нефтяную монополию — Бакинское паевое товарищество, в котором треть всех прав принадлежала бы казне, а оставшиеся две трети распределялись бы между крупнейшими нефтепромышленными фирмами. Этой монополии Титов и предлагал передать без торгов все свободные нефтеносные земли³⁹. В начале 1915 г. проект Титова был передан правительству и одобрен в «высших бюрократических сферах». Однако обычные проволочки затормозили его практическое осуществление. Но само выдвижение этого проекта показательное. Оно отражало борьбу за сырьевую монополию и свидетельствовало о наличии тенденции к государственно-монополистическому капитализму.

Борьба за монопольное владение источниками сырья простиралась и на колониальные территории, удобные для производства таких видов сырья, как, например, хлопок. Московские текстильные монополии стремились превратить Среднюю Азию в свой сырьевой район путем захвата удобных для разведения хлопка земель и экспроприации местных крестьян. Уже к началу XX в. московские банки держали в своих руках до 90% торговли среднеазиатским хлопком. Они осуществляли почти полную монополию и беспощадно грабили местных крестьян-хлопкоробов. В 1907 г. в недрах Московского биржевого комитета зародился проект захвата «свободных» земель⁴⁰. Широкие планы захвата хлопковых земель Средней Азии разрабатывались и в петербургских банковских монополиях. Так, в 1909—1911 гг. Русско-азиатский банк организовал акционерное общество «Карши» для орошения и эксплуатации Каршинской долины в Бухаре. Правительство эмирата по особому договору предоставило этому обществу под хлопковые плантации 25 тыс. десятин земли⁴¹. Интересы капиталистических монополий в колониях полностью смыкались с интересами царизма, помещиков и военно-бюрократической клики. При активной помощи царских сатрапов борьба за сырьевую монополию в колониальных владениях России сочетала в себе насильственные

³⁸ См. ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 302, л. 36.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Подобные проекты см. Московский областной государственный исторический архив (МОГИА), ф. 143, оп. 1, д. 276 и 687.

⁴¹ ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 10, д. 137, л. 15.

методы эпохи «первоначального накопления» с разнузданным колониальным грабежом, доставлявшим финансовой олигархии колоссальные барыши.

Анализируя современный капитализм, В. И. Ленин показал, что капиталистическая монополия «...порождает неизбежно стремление к застою и загниванию»⁴². Загнивание капитализма в эпоху империализма не исключает, разумеется, развития капитализма, роста производительных сил, технического прогресса. Погоня за прибылью и конкурентная борьба толкают капиталистические монополии на путь совершенствования техники, научной организации производства и пр. В отдельных отраслях промышленности и в отдельные периоды развитие продолжается со значительной быстротой. Однако монополии не используют всех возможностей развития, которые дает современная наука. Одним из важнейших проявлений загнивания капитализма является искусственное торможение технического прогресса промышленными монополиями. Капиталистические монополии только тогда выступают поборниками технического развития, когда оно сулит им наивысшую прибыль. Многочисленные факты свидетельствуют о том, что русские капиталистические монополии нередко предпринимали различные искусственные меры для торможения технического развития русской промышленности, усугубляя этим техническую и экономическую отсталость России.

Известный технический прогресс в эпоху империализма наблюдался и в промышленности России. В некоторых отраслях ее, связанных преимущественно с выполнением железнодорожных и военных заказов (черная металлургия, транспортное и общее машиностроение, судостроение и некоторые другие), рост капиталовложений сопровождался увеличением механизации и применением более совершенной технологии. Энерговооруженность труда за 1900—1908 гг. возросла на 20,6%, а в последующие годы предвоенного промышленного подъема она еще более увеличилась. Однако не все предприятия даже этих отраслей промышленности развивались равномерно в техническом отношении. Некоторые из них расходовали капиталовложения на технические усовершенствования, которые «касались лишь второстепенных устройств разных отделов»⁴³. В ряде отраслей (каменноугольная, нефтяная, текстильная и др.) механизация касалась главным образом вспомогательных процессов, а в таких отраслях, как сахарная промышленность, технические сдвиги в производстве вообще были незаметны⁴⁴. Процесс усовершенствования технического оборудования русской промышленности в эпоху империализма шел медленно. Дешевизна рабочей силы и высокая степень эксплуатации пролетариата ослабляли стимулы к техническому развитию. Русские промышленные монополии препятствовали обновлению техники в промышленности, в результате чего на предприятиях сохранялось большое количество изношенного и устарелого оборудования.

Линия русских монополий в области технического развития была сформулирована в статьях видного деятеля капиталистических монополий А. А. Вольского, опубликованных в журнале «Промышленность и торговля», где он писал: «Прогрессивные устройства требуют затрат капитала. Кто не хочет от технического прогресса пойти по миру, тот должен хорошенько подсчитать — выгодно ли ему сделать затрату на технический прогресс или же умнее остаться в рядах отсталых»⁴⁵. Вольский

⁴² В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 262—263.

⁴³ ЦГИАЛ, ф. 616, оп. 5, д. 234, л. 1.

⁴⁴ См. П. Хромов. Динамика производительных сил России в период капитализма (1861—1917). «Ученые записки» Московского государственного университета. Вып. 123. М. 1947, стр. 193.

⁴⁵ «Промышленность и торговля». 1909, № 8, стр. 481.

призывал «остерегаться опрометчивого технического прогресса», «не тужить за техническим прогрессом и перебиваться тем, что бог послал»⁴⁶.

Эта линия неукоснительно проводилась в жизнь монополистами в различных отраслях русской промышленности. Так, например, каменно-угольная промышленность Донбасса по степени механизации продолжала оставаться одной из наиболее отсталых в мире. Дешевый труд шахтеров, работавших примитивными орудиями, предприниматели предпочитали применению усовершенствованных врубовых машин. В 1913 г. число врубовых машин в США достигало 16 381, в Англии — 2 894, а в России... 125⁴⁷. Воротилы «Продугля» доказывали, что применение врубовых машин в Донбассе невозможно в силу «непреодолимых» естественных условий. Комиссия экстренного съезда горнопромышленников юга России в 1910 г. писала: «Многочисленные попытки применить врубовые машины наталкивались на непреодолимое препятствие — недостаточно прочную кровлю большинства пластов бассейна»⁴⁸. В угольной промышленности России начали применять отбойные молотки только с 1914 года. Выемка угля была механизирована лишь на 1,7%⁴⁹. По выплавке чугуна на одну доменную печь Россия отставала от США в 4,4 раза, от Германии — в 3,5 раза, от Франции — в 1,5 раза и т. д. Однако заправилы металлургических монополий утверждали, что русские металлургические предприятия «оборудованы технически даже излишне роскошно»⁵⁰. Металлургические монополии плохо использовали преимущество комбинирования металлургии с коксовым производством. Мощность газовых двигателей в металлургии составляла в 1913 г. лишь 30,4% общей мощности паровых и газовых двигателей; использование отходящих газов для сжигания их под заводскими котлами получило весьма слабое распространение. Выжиг кокса в печах с рекуперацией производился только в 17,2% коксовых печей на юге России, в то время как доля печей с рекуперацией составляла в Германии 87%, а в Англии — 68% всех коксовых печей⁵¹. В бакинской нефтяной промышленности, имевшей мировое значение, преобладало ударное бурение, являвшееся наиболее отсталым методом добычи нефти; в 1917 г. в Баку насчитывалось только 9 установок для вращательного бурения; инженеры крупнейших нефтепромышленных фирм пытались «научно» доказать, будто вращательное бурение имеет очень незначительные преимущества перед ударным. В 1914 г. более 95% нефти было добыто примитивным тартанием⁵².

С 1910 по 1913 г. доля скважин, работавших на электромоторах, снизилась⁵³. Капиталист Кянжунцев, выступая на 29-м съезде нефтепромышленников Баку, так объяснял причины слабого развития электрификации в нефтяной промышленности: «Если бы был выгоден переход на электрическую энергию... мы наблюдали бы такой переход; этого, однако, нет, потому что это невыгодно»⁵⁴. Таким образом, интересы присвоения максимальной прибыли обрекали нефтяную промышленность на технический застой, а в ряде случаев и регресс. Аналогичное положение было и в других отраслях русской промышленности, где хозяйничали монополии.

Одним из наиболее ярких проявлений процесса загнивания капита-

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ См. «О мерах к развитию производительных сил России». Пггр. 1915, стр. 93.

⁴⁸ «Труды экстренного съезда горнопромышленников юга России». Харьков. 1910, стр. 30.

⁴⁹ См. А. А. З в о р ы к и н. Очерки по истории советской горной техники. М.-Л. 1950, стр. 184.

⁵⁰ «Промышленность и торговля». 1912, № 16, стр. 134.

⁵¹ См. «Народное хозяйство в 1913 г.». Изд. Министерства финансов. Пггр. 1914, стр. 328.

⁵² См. «Обзор бакинской нефтяной промышленности за 1914 г.». Баку. 1915, стр. 13.

⁵³ Там же, стр. 9.

⁵⁴ «Труды 29-го съезда нефтепромышленников Баку». 1911, стр. 229.

лизма в эпоху империализма является искусственная задержка промышленного развития при помощи монополистического «регулирования» (сокращения) производства. Искусственное сокращение и свертывание производства предпринимается монополиями для повышения и удержания на высоком уровне монопольных цен, обеспечивающих максимальную прибыль. В силу экономической отсталости страны искусственное сокращение промышленного производства вызвало в России особенно тяжелые последствия. Товарный голод тяжело отражался на всем народном хозяйстве страны, приводил к замедлению темпов промышленного развития, колоссальному росту дороговизны, сокращению товарооборота и потребления, массовой безработице и усилению обнищания трудящихся города и деревни.

Угольный голод, организованный синдикатом «Продуголь» в годы, предшествовавшие первой мировой войне, вызвал сокращение производства, закрытие предприятий во многих отраслях промышленности и принял характер национального бедствия, обрекшего десятки тысяч рабочих на безработицу и нищету. Хозяиничанье нефтяных монополий привело к падению добычи нефти, к резкому уменьшению поступления нефти и нефтепродуктов на внутренний рынок, к стремительному росту цен на них. Достигнув в 1901 г. наивысшего уровня — 706,3 млн. пудов, добыча нефти в России к 1913 г. уменьшилась до 561,3 млн. пудов, то есть более чем на одну пятую, причем наибольшее падение наблюдалось на главных площадях в бакинском районе — с 671,0 до 407,0 млн. пудов⁵⁵. Нефтяные монополисты стремились затормозить добычу нефти и в местах, расположенных вне бакинского района⁵⁶. Они прибирали к своим рукам новые месторождения нефти, чтобы воспрепятствовать их эксплуатации другими предпринимателями. Так, нефтепромышленные монополии Нобеля и Ротшильда затормозили разработку нефтяных месторождений на острове Челекен, на Эмбе, Ухте, сорвали развитие нефтедобычи в Грозном и Майкопе. В результате этих действий монополий при росте добычи нефти в других странах, особенно в США, доля России в мировой добыче нефти упала с 51,5% в 1901 г. до 16,4% в 1913 году.

От угольных магнатов и нефтяных королей «не отставали» монополисты металлургической промышленности. «Продамет» и другие металлургические монополии не полностью использовали производственные мощности заводов, консервировали некоторые из них, резко уменьшали капиталовложения на расширение и переоборудование заводов. Темпы выплавки металлов катастрофично снижались, в стране все более ощущался острый недостаток металла, ограничивалось его потребление в различных отраслях промышленности.

Искусственное сокращение производства и создание товарного голода происходили и в других отраслях русской промышленности. Так, например, синдикаты «Продвагон» и «Союз паровозостроительных заводов» за весь период своего существования (с 1901 г.) не дали возникнуть ни одному новому предприятию по изготовлению подвижного состава для железных дорог⁵⁷. Паровозостроительный синдикат затормозил развитие производства мощных паровозов в России⁵⁸. В результате хищнической деятельности этих синдикатов на железнодорожной сети ощущался хронический недостаток подвижного состава, превратившийся в годы мировой войны в подлинный паровозо-вагонный голод.

В распоряжении крупнейшей золотопромышленной монополии «Ленское золотопромышленное товарищество» было более 40 тыс. десятин земли, но разработки велась лишь на одной десятой этой площади; монополия преднамеренно уменьшила добычу золота. Южнорусский соля-

⁵⁵ См. «Народное хозяйство в 1913 г.». Петроград. 1914, стр. 337.

⁵⁶ МОГИА, ф. 143, оп. 1, д. 255, л. 81.

⁵⁷ ЦГИАЛ, ф. 120, оп. 2, д. 225, л. 22.

⁵⁸ Там же, ф. 37, оп. 77, д. 1246, л. 4.

ной синдикат скупил и закрыл все мелкие соляные предприятия; богатейшие запасы соли, например, в Бессарабии, совершенно не разрабатывались.

Транспортные монополии, подобно промышленным, вели ту же политику, направленную на искусственное сокращение перевозок. Так, трест РОПИТ, предоставляя мелким пароходствам солидные «отступные» за отказ от конкуренции, уплатил пароходству Шитта более 250 тыс. руб. за прекращение рейсов на Азовском море. Обладая монополией, трест РОПИТ зачастую намеренно отказывался от перевозки грузов, лишая целые районы России необходимых товаров, если эти перевозки были ему почему-либо невыгодны⁵⁹.

Политика капиталистических монополий вызывала резкое недовольство населения. Царское правительство вынуждено было официально признать наличие товарного голода в стране, возложить ответственность за него на монополии и обещало принять «самые решительные меры» для их обуздания⁶⁰. Но эти меры свелись к некоторому росту казенного производства и к незначительному увеличению ввоза из-за границы остродефицитных товаров. Правительство не только не обуздавало зарвавшихся монополистов, но активно пособничало их хищничеству. Его политика свидетельствовала о том, что интересы капиталистических монополий для царизма близки, а многомиллионные барыши промышленных королей и финансовых магнатов неприкосновенны.

Апологеты монополистического капитализма обычно утверждают, что монополия устраняет конкуренцию и вносит в капиталистическое хозяйство «начала планомерности». Подобные утверждения выдвигались русскими буржуазными экономистами (И. И. Янжул, П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, И. Гольдштейн и др.), а также деятелями крупнокапиталистических организаций (А. А. Вольский, С. П. Фармаковский, П. И. Фомин и др.).

В работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин доказал, что монополия не только не устраняет, но во много раз усиливает и обостряет конкуренцию, ибо «империализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще»⁶¹. История монополистического капитализма в России полностью подтверждает этот вывод. Империализм принес с собой ожесточенную борьбу между монополиями и немонополизированными предприятиями. Монополии боролись с немонополизированными предприятиями путем выдачи огромных «отступных» за отказ от конкуренции, «боевых» цен, товарных «интервенций», захвата складов и хранилищ, транспортных средств, перехвата клиентов, бойкота, и т. д., и т. п. О том, какими методами достигалось удушение «диких» фирм, можно судить по следующим примерам. В течение ряда лет на Волге оперировала торговая фирма «Бр. Меркульевы», имевшая значительный нефтеналивной флот. Излишек тоннажа Меркульевы сдавали в аренду другим фирмам. Нефтепромышленный синдикат «Нобель-Мазут» взял в аренду у Меркульевых весь излишек тоннажа при условии ограничения этой фирмой торговли нефтепродуктами на русских рынках. Впоследствии Меркульевым было разрешено действовать лишь как агентству Нобеля и за его счет. В 1907 г. Нобель вообще потребовал от Меркульевых приостановить все операции с нефтью. В ответ на это они создали независимую от синдиката фирму, располагавшую сорока складами нефтепродуктов. Желая во что бы то ни стало разорить Мер-

⁵⁹ МОГИА, ф. 143, оп. 1, д. 375, л. 229.

⁶⁰ См. «Объяснительная записка министерства финансов к проекту Государственной росписи на 1913 г.». СПб. 1912, стр. 245.

⁶¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 252.

кульевых, Нобель скупал все товары, которыми они торговали, и продавал их по очень низким ценам в местах, где последние вели свои операции. После многолетней борьбы Меркульевы сдались, и соглашение о «солидарности» между ними и «Нобель-Мазутом» было возобновлено⁶².

В 1907 г. вагоностроительный синдикат «Продавагон» заставил вступить в объединение «Верхне-Волжский вагоностроительный завод», пригрозив ему бойкотом. В 1908 г. такая же мера была применена к Петербургскому вагоностроительному заводу, который отказывался присоединиться к синдикату. В 1910 г. бойкот был применен к следующим заводам: Петербургскому вагоностроительному, Торецкому, «Артур-Копель»⁶³. Объединенные заводы отказывались продавать бойкотируемым предприятиям запасные части, колеса и пр. В 1910 г. синдикат «Союз мостостроительных заводов» грозил применить бойкот к «Продамету», если последний не принудит Новороссийское металлургическое общество к отказу от изготовления мостовых конструкций и от выступлений в ущерб мостостроительному синдикату⁶⁴.

Для устранения конкурентов монополии нередко прибегали к содействию административной власти. Так, в период острого нефтяного голода и роста цен на нефть кустарная добыча нефти в бакинском районе стала стремительно возрастать и достигла к 1913 г. 28—30 млн. пудов, что составляло примерно 20% потребления жидкого топлива. Монополисты добились от горного департамента официального признания того, что методы кустарной добычи «опасны для жизни рабочих». На этом основании было приказано старые колодцы, из которых велась добыча нефти кустарями, засыпать; кустарная добыча существенным образом ограничивалась новыми правилами, изданными царской администрацией на Кавказе, а наблюдение за деятельностью кустарей возлагалось на промысловую полицию, находившуюся на содержании нефтепромышленных монополий⁶⁵. Кустарная промышленность была подорвана.

Внутри монополий велась ожесточенная конкурентная борьба за долю участия, за управление, господствующее положение, преобладающее влияние, то есть, в конечном счете, за наибольшую часть монопольных прибылей. Эта борьба взрывала изнутри немало монополий. Утверждения о ликвидации конкуренции при помощи монополий наглядно опровергаются такими фактами, как распад синдиката «Гвоздь», выход из «Продукта» в 1909—1913 гг. ряда его участников, постепенное разложение уральского синдиката «Кровля», ожесточенная борьба между участниками «Продамета», непрерывные нарушения синдикатских соглашений некоторыми контрагентами вагоностроительного, мостостроительного и других синдикатов и т. п.

Бывали случаи, когда монополистические союзы осуществляли репрессии в отношении тех капиталистических предпринимателей и организаций, которые выступали против их политики. Так, в 1909 г. несколько машиностроительных фирм направили III съезду русских фабрикантов земледельческих машин и орудий жалобу на синдикат «Продамет», который поднял цены на металлургическое сырье для машиностроительных заводов. Съезд обратился к правлению металлургического синдиката с просьбой установить для предприятий сельскохозяйственного машиностроения пониженную расценку на железо и сталь⁶⁶. Одновременно съезд решил создать особую контору для коллективной закупки металлов и арендовать какой-либо крупный металлургический завод, который снабжал бы металлом членов организации. «Продамет» отклонил прось-

⁶² См. «Нефтяное дело». 1911, №№ 20 и 21; 1912, № 10.

⁶³ ЦГИАЛ, ф. 1383, оп. 2, д. 22, лл. 26—27.

⁶⁴ Там же, д. 2, л. 88.

⁶⁵ См. «Нефтяное дело». 1913, №№ 5, 6, 7.

⁶⁶ См. «Листок съезда русских фабрикантов земледельческих машин и орудий». 1907, № 10.

бу съезда⁶⁷, сорвал его переговоры с Русско-Бельгийским металлургическим обществом об аренде металлургического завода и не допустил создания «антисиндиката». Весной 1910 г. Совет съезда русских фабрикантов земледельческих машин и орудий в специальной докладной записке министру торговли и промышленности жаловался «на неблагоприятное влияние синдиката «Продамет» в области развития отечественного сельскохозяйственного машиностроения»⁶⁸. «Продамет» ответил на эту записку репрессиями: срывал сроки поставок, поставлял металл плохого качества, отказываясь принимать его обратно, и т. д. Тогда IV съезд фабрикантов земледельческих машин снова потребовал от «Продамета» прекращения репрессий. В ответ на это «Продамет» совершенно прекратил поставку металла членам организации сельскохозяйственных машиностроительных фирм⁶⁹.

V съезд фабрикантов земледельческих машин обратился к правительству и законодательным палатам (Государственной думе и Государственному совету) с просьбой о помощи, так как монополия в металлургии «ставит фабрикантов земледельческих машин в безвыходную зависимость от синдиката»⁷⁰. Владельцы заводов сельскохозяйственных машин получили поддержку землевладельцев в Думе, и с их помощью заводчики добились временного снижения пошлин на металл, закупаемый ими за границей.

Крупные размеры принял конфликт между волжскими судовладельцами и бакинскими нефтяными монополиями. Нефтяные перевозки по Волге представляли собой весьма прибыльное дело. С падением добычи нефти в бакинском районе и наступлением нефтяного голода эти перевозки резко сократились, что вызвало уменьшение прибылей судовладельческих монополий. Организации пароходовладельцев неоднократно жаловались правительственным учреждениям на хищническую деятельность бакинских нефтепромышленников, сокращавших снабжение внутренних рынков нефтью. В июле 1905 и октябре 1906 г. были созваны специальные правительственные совещания для рассмотрения жалоб судовладельцев. Однако все меры, предложенные последними, под нажимом бакинских нефтепромышленных тузов, отвергались царскими властями. Конфликт между волжскими судовладельцами и бакинскими нефтяными королями достиг кульминационного пункта в разгар нефтяного голода (1912—1913 гг.). В этот конфликт были втянуты организации крупного капитала, пресса, правительственные учреждения. В начале 1913 г. Астраханский биржевой комитет, представлявший интересы судовладельцев, предложил «...передать без торгов нефтеносные земли судопромышленникам», а натуральную нефть, получаемую в счет арендной платы, также «сдать в перевозку и переработку волжским судопромышленникам»⁷¹. Следовательно, Астраханский биржевой комитет предлагал заменить одну монополию другой. Под нажимом бакинских нефтепромышленников его проект был отвергнут. В 1913 г. волжские пароходовладельцы стали добиваться введения казенной нефтяной монополии. В октябре того же года чрезвычайное собрание Самарского биржевого общества потребовало, чтобы «правительство подвергло отчуждению все нефтеносные земли и монополизировало их разработку»⁷². К предложению о национализации нефтяной промышленности присоединились и другие волжские биржевые комитеты. Это предложение всполошило бакинских монополистов. Бакинский биржевой комитет, указывая, что «для процветания и даже просто существования

⁶⁷ МОГИА, ф. 143, оп. 1, д. 375, л. 145.

⁶⁸ «Листок съезда русских фабрикантов земледельческих машин и орудий». 1910, № 10.

⁶⁹ Там же. 1911, № 11.

⁷⁰ «Листок съезда русских фабрикантов земледельческих машин и орудий». 1911, № 10.

⁷¹ МОГИА, ф. 143, оп. 1, д. 255, л. 450.

⁷² Там же, д. 505, л. 162.

промышленности требуется частное хозяйство», потребовал от правительства раз и навсегда отказаться от «пагубных» идей национализации нефтяной промышленности⁷³.

Московский биржевой комитет, выражавший интересы крупнейших потребителей нефти в центральном районе, вынужденных платить за нее повышенные цены, потребовал от правительства разрешения на созыв в Москве чрезвычайного съезда потребителей жидкого топлива. Дело приняло серьезный оборот для бакинских королей. При помощи «верных» чиновников бакинским монополистам удалось оказать сильное давление на совет министров и не допустить съезда.

Борьба между волжскими судовладельцами и бакинскими монополистами весьма поучительна. Она отражает момент столкновения двух монополистических хищников, мешавших друг другу в деле достижения максимального уровня прибылей. Сами волжские пароходовладельцы не скрывали этого. «Дело не в нефти, а в грузе»⁷⁴, — пояснял один из волжских монополистов, С. М. Мало.

В ожесточенной борьбе между крупными монополистическими группами победа оказывалась на стороне той из них, которая, как наиболее экономически мощная и политически влиятельная, могла подавить своих противников. В этой связи следует также отметить, что в борьбу между отдельными группами монополистического капитала неизбежно втягивался и государственный аппарат самодержавия.

Таким образом, перед первой мировой войной монополистический капитализм в России показал высокую степень зрелости, при которой обнаружались все противоречия, пороки и язвы империализма, усугубленные и отягощенные влиянием многочисленных пережитков крепостничества. Руководители капиталистических монополий в России не ставили вопроса об уничтожении этих пережитков и ликвидации коренных причин технико-экономической отсталости России. Они мирились с существованием помещичьего землевладения и шли на сделку с царизмом. Их главной заботой было подчинение монополиям все большего числа предприятий, облегчение условий деятельности монополий, обеспечение наиболее благоприятных условий для получения максимальных прибылей. Капиталистические монополии стремились захватить естественные ресурсы, сырьевые базы путем скупки и захвата частных земель, разграбления казенных земель и экспроприации крестьянства. Монополистический капитал нередко тормозил техническое развитие промышленности, срывал внедрение передовых технических устройств.

Наиболее рельефными проявлениями загнивания капитализма в России являлись систематическое свертывание производства, искусственное создание товарного голода, дезорганизация хозяйства, огромный рост безработицы и обнищания рабочего класса. Развитие монополистического капитализма сопровождалось обострением конкурентной борьбы, анархией производства. Все это тормозило развитие промышленности России и способствовало возникновению экономической разрухи. В годы первой мировой войны Россия находилась на пороге экономической катастрофы. Промышленная политика монополистического капитала в России является наглядным свидетельством превращения капиталистических отношений в тормоз развития производительных сил. Разрешить противоречие между ростом производительных сил и характером производственных отношений можно было лишь путем социалистической революции.

⁷³ Там же, л. 40.

⁷⁴ «Стенографический отчет совещания потребителей жидкого топлива при Совете съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства». СПб. 1908, стр. 68.